

Арам ХАЧАТУРЯН,
лауреат Ленинской премии

СЛОВО О ДВИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

НЕ ТАК давно, как раз в те дни, когда в Ереване — столице Армении — выступали лучшие музыканты России, в Москве с большим успехом гастролировал Государственный симфонический оркестр Армянской филармонии во главе с талантливым дирижером Оганом Дуряном. Ереванцы познакомились с симфониями Александра Арутюняна и Эдуарда Мирзояна — очень одаренных современных армянских композиторов. Они интересно играли и произведения Петра Чайковского, 125-летию со дня рождения которого был посвящен фестиваль «Московские звезды». В общем, случилось так, что праздник русской музыки в Армении совпал с выступлением армянских музыкантов в столице нашей страны.

Это, в известной мере, символично. Более того, закономерно. И вызвано не только давними дружескими связями Армении и России, но истинно братским сотрудничеством искусств всех народов, населяющих Советский Союз.

Русская музыкальная школа — грандиозная и великая — веками формировалась, концентрируя в себе все лучшее, что было создано русским народом. Она не случайно занимает сейчас одно из самых почетных мест в музыкальной культуре всего мира. Естественно, что народы СССР (особенно те, которые до 1917 года не имели профессиональной музыки и музыкантов-профессионалов), формируя сегодня свою национальную музыку, прежде всего ориентируются на путь, пройденный русской музыкальной культурой. Да, путь у них единый. Но есть у этого пути несколько одинаково значимых параллелей, по которым, собственно, и развиваются плодотворные взаимосвязи русской музыки (да и не только русской, но и украинской, и грузинской и так далее) с музыкой других национальных республик. Изучение богатого опыта русской музыки и прежде всего того, как русские композиторы-классики со всем своим великим гуманизмом и страстным желанием создать национальную музыкальную школу подходили к русской теме, — один из самых ярких путей взаимосвязей национальных культур.

На наших глазах, немногим более чем за сорок лет, происходит становление национальных музыкальных школ Закавказья, Средней Азии, автономных республик Поволжья (особенно Татарии) — это красноречивый, естественный и отрадный процесс. Вообще, взаимный обмен культурными ценностями помогает формированию у разных национальностей общих черт духовного облика, порожденных новым типом общественных отношений и воплотившихся в себе лучшие традиции народов СССР.

Развивается общая для всех наций интернациональная культура, а через развитие национальных особенностей искусства она приходит к общечеловеческому и интернациональному. Это происходит, повторяю, именно в процессе постоянного тесного общения, своеобразной музыкальной «диффузии». «Диффузия» охватывает как вопросы широкой пропаганды музыки в нашей стране (многочисленные лектории, концерты, университеты культуры, вечерние музыкальные школы для взрослых), так и подготовку музыкальных кадров.

Среди преподавателей Московской и Ленинградской консерваторий — представители национальных республик, а в национальных консерваториях — множество музыкантов, приехавших из Москвы и Ленинграда. То же самое со студентами. Например, в моем классе в Московской консерватории были армянин Эдгар Оганесян, румын Анатолий Виеур, венесуэлка Модеста Бор, японец Терахара. Три года назад получил композиторский диплом мой ученик — грузин Нодар Габуния.

Это, сами понимаете, частный пример. Однако же — типичный. Именно музыкальная учеба — один из старейших и самых плодотворных путей взаимосвязи национальных музыкальных культур.

Мне восточилось учиться в Московской консерватории в классе Мясковского, и благодаря ему я по-настоящему понял и оценил великую силу музыки Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова, ставших навсегда моими любимыми композиторами и учителями.

Впечатления моего детства и юности, связанные со стихией кавказского мелоса, помножились затем на глубокое изучение русской классической музыки, которое мне дала Московская консерватория. Я считаю, что как композитор я родился на пересечении (или в синтезе) этих двух музыкальных культур.

Можно обратиться и к классическим при-

мерам. Так, например, в тесном творческом контакте с Римским-Корсаковым, Александром Глазуновым и Анатолием Лядовым формировался талант классика армянской музыки Александра Спендиарова. В стремлении поднять музыку своего народа на большую художественную высоту, он во многом шел от народно-пропагандистских идей «могучей кучки» и добился очень немало-го на этом пути. Спендиаров внес в армянскую музыку профессионализм, стоящий на уровне новейших достижений современной ему музыки.

А если вернуться к сегодняшнему дню? Когда мы знакомимся с произведениями молодых армянских композиторов — Эдгара Оганесяна, Арно Бабаджаняна, Дживана Тер-Татевосяна, мы не можем не видеть, как живой и активно осваиваемой традицией становятся не только Чайковский, Римский-Корсаков или Рахманинов, но и Шостакович, Прокофьев, Мясковский и ряд других советских композиторов.

Примеры можно продолжить. Так, среди воспитанников Виссариона Шебалина мы видим русского композитора Тихона Хренникова и армянина Карена Хачатуряна, а среди выпускников Алма-Атинской консерватории — русского композитора Александра Зацепина и казаха Кудуса Кужамбарова.

Педагогический путь — отнюдь не единственный в «диффузии» национальных музыкальных культур. Велико значение музыкальных «дней дружбы», декад, «музыкальных весен», систематических творческих рапортов и фестивалей, которые проводятся во всех без исключения республиках и краях Советской страны: украинцы едут в Узбекистан, литовцы — в Россию, белорусы — в Молдавию, татары — в Москву. Закавказье показывает в других республиках музыку Армении, Азербайджана и Грузии. В театрах национальных республик идут русские оперы и балеты, а в русских — национальные.

Во время музыкальных фестивалей происходят интересные встречи композиторов «хозяев» и музыкантов «гостей», завязываются жаркие дискуссии, споры. Поздравления и похвалы сменяются острой принципиальной критикой, серьезным разговором о замыслах и воплощениях, путях и поисках национальной музыки. Этим же вопросам посвящаются пленумы и съезды композиторов СССР, Российской Федерации, национальных республик. Все это вместе дает очень интересный музыкальный сплав и способствует взаимному обогащению музыкальных культур и композиторских школ.

Но эта «диффузия», эта взаимная музыкальная учеба касается не только музыки народов СССР, но и музыкальной культуры Запада. Мы учимся у передовых композиторов Запада, и они тоже учатся у нас. Лучшие традиции зарубежного музыкального опыта мы стараемся перенять, но не сомневаемся и в том, что опыт наших лучших композиторов перенимают на Западе. Так, влияние на Западе Шостаковича, Прокофьева и некоторых других советских композиторов вне сомнений.

Вновь возвращаясь к взаимосвязям русской и армянской музыкальной культуры, мне хотелось бы отметить, что наряду со значительным влиянием Чайковского, Мусоргского и Прокофьева на творчество армянских композиторов весьма ощутима их учеба и у Белы Бартока, и Леона Яначека, и других зарубежных композиторов (не говоря уже о классиках прошлого века). Так же естественно влияние Шостаковича-учителя на творчество его ученика — азербайджанца Кара Караева.

Мне казалось бы полезным вспомнить, например, и о благородной и бесценной в музыкальном отношении работе грузинского композитора Аракешвили — собирателя русских народных песен, об обработках русского музыкального фольклора, принадлежащих Спендиарову. А если бы я попытался привести пример влияния интонаций Советского Востока на творчество крупного русского композитора, я, пожалуй, мог бы назвать Восьмую симфонию Дмитрия Шостаковича.

Мне хочется привести и несколько слов, написанных 20 лет назад замечательным русским писателем Александром Фадеевым. Думается, они тоже, в известной степени, подтверждают основную мысль, которой посвящена эта статья. Познакомившись с музыкой моего брата «Гаянэ», Фадеев писал мне, что танцы из «Гаянэ» звучали для него уже как нечто такое, с чем он вырос и сформировался. Я, армянин, горжусь этим признанием.